

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ О «БРАТЕ»

Исторические события зачастую замечательны тем, что очевидцы и даже участники в упор не замечают их «всемирно-исторического значения». Так, подавляющее большинство петроградских обывателей не заметили Октябрьской революции: за окнами стреляют — пустяки, дело житейское, к утру все успокоится. Да и до самих победителей не сразу дошло, что они победили.

Вот и десяток человек, собравшихся майским вечером 1997-го года в задней «зале» одного каннского рестораника, могли показаться участниками провалившегося заговора, ожидающими, что за ними вот-вот придут, но никак не людьми только что совершившими революцию в русском кино. Сама по себе аура места — страшная сила: кто-то постарался найти для вечеринки в честь фестивальной премьеры такую вот «залу». Низкие, тяжелые, какие-то средневековые своды и — или это абберрация памяти — никаких окон. Представить, что снаружи нежится в лучах заката, отработав обязательную дневную программу, главный мировой кинофестиваль, было решительно невозможно.

Сергей Сельянов хмуро мерился взглядом с бутылкой красного вина. Алексей Балабанов томился в отсутствии гитары: где, как не на дальних берегах, исполнить заветную «Разлуку», да вот инструмента нет, и одолжить не у кого. Один лишь Сергей Бодров-младший беззаботно подбивал отца, Сергея Бодрова-старшего, сыграть в трясучку и хвастался понтовым пиджаком: «Это я у папы выиграл». В общем, «Толя пел, Борис молчал, Николай ногой качал».

Посидели и разошлись: никак не пир победителей. Между тем этот день, 17 мая 1997 года, стал и остается главным днем в истории современного русского кино, днем мировой премьеры фильма «Брат», которую, собственно говоря, и обмывали. И жизни присутствующих разделились в тот вечер на до и после «Брата».

Алексей Балабанов избавился — как отрубил — от репутации интеллигентного мальчика-провинциала, интерпретатора Беккета и Кафки, любимца ленфильмовских либералов во главе с Алексеем Германом. Стал тем самым Балабановым. Жгучим, нервным, ненавидимым или боготворимым поэтом, одно присутствие которого будет оправдывать следующие полтора десятилетия само существование русского кино.

БРАТ

«Н ет, я не Байрон, я другой...» — читает здоровый круглолицый парень, стоя у открытых дверей шикарного автомобиля и сопровождая чтение стихотворения характерными жестами. Закончив читать, он улыбается нам открыто и немного застенчиво.

Под первые аккорды «Крыльев» «Nautilus Pompilius», транслирующиеся через динамики, к кирпичной стене странной кладки подходит высокая стройная девушка в длинном платье, манерно поворачивается к нам точеным профилем и медленно освобождает плечи. Платье стекает до бедер, обнажая спину и тонкую талию.

Из-за спины съемочной группы появляется Данила. Видно, он знал какой-то другой вход в крепость, потому что чужих больше нет. На нем легкая куртка с поднятым воротником. Впрочем, все одеты довольно тепло. Осень.

Данила становится позади режиссера, какое-то время с интересом смотрит, потом делает шаг вперед и тихо спрашивает: « — Это че за песня?»

Режиссер резко оборачивается, дико смотрит на Данилу, отталкивает его, сопровождая все это безумными жестами, тем не менее продолжая смотреть на девушку, которая подняла руки и оперлась на стену. Ей было холодно, и она не могла этого скрыть.

— Стой! — крикнул режиссер.

Трансляция прекратилась, и костюмер с шубой бросилась к девушке.

— Кто пустил сюда этого придурка? Выкиньте его на хер отсюда! За что вам деньги платят? — орал режиссер, размахивая руками.

Данила молча смотрел на него. К нему бежали два здоровых охранника в штатском. Данила оглянулся.

— Фамилия? — монотонно спросил уже немолодой капитан с одутловатым испытанным лицом.

— Багров, — с трудом произнес Данила опухшими губами.

— Имя, отчество? — капитан поднял глаза на избитое лицо.

— Данила Сергеевич, семьдесят пятого года рождения, Вокзальная, двадцать два.

— Место работы?

— Дембель не отгулял еще. — Данила отвечал беззлобно, выдерживая небольшие паузы.

— Где служил?

— В армии.

Капитан еще раз взглянул на него и спросил:

— Пойдешь к нам?

— Нет.

Капитан взглянул на стоящего у двери сержанта:

— Ты их охраннику руку сломал и чуть глаз не выбил. Не был бы трезвый, я б тебя посадил. Иди.

Данила встал и, не прощаясь, вышел.

— Через неделю не устроишься на работу — поставлю на учет, — бросил вдогонку капитан.

- Я ему руку сломал?
- Не, вывихнул. – Охранник говорил, не поворачивая головы.
- А этот, что орал, кто там у вас?
- Режиссер.
- А чё за песня-то была?
- «Крылья» «Наутилуса».
- Мм...

Капитан смотрел в окно на уходящего по улице Данилу:

– Багров Сергей Платонович, сорок второго года рождения. Вор-рецидивист. Убит в местах лишения свободы в январе восемьдесят второго года. Одноклассник мой.

В новомодном магазине, торговавшем всякой всячиной, включая музыкальные кассеты и невесть как появившиеся здесь китайские компакт-диски групп «Boney M», «AC/DC», «Nirvana».

– У вас есть «Наутилус», диск «Крылья»? – спросил Данила.

– Нет, – не глядя на него, хмуро сказала продавец. Ей было некогда. Она распаковывала новое разноцветное и очень дешевое мыло.

– А что-нибудь другое «Наутилусов» есть? – после паузы спросил он.

– Нет, – сказала она и, не разгибаясь, посмотрела на него.

– А «ДДТ» Шевчука? – Он щурился подбитыми глазами, пытаясь рассмотреть CD.

— Чего тебе надо? — грубо спросила она и выпрямилась. — Иди отсюда! А то еще милицию позову.

Мать Данилы, обыкновенная, рано состарившаяся русская женщина, подбросила в печку два полена.

— Дров-то поколол бы. Все лучше, чем морду-то подставлять. Чё в армии не остался? Здесь-то быстрее убьют, — ворчала она, подсаживаясь за стол.

Данила молча ел, с трудом пропихивая ложку между разбитыми губами. Рядом лежал новенький CD-плеер «Sony».

— Как жить-то будем? Зарплату уж три месяца как не платят. А ты все железы свои включаешь. — Она резко протянула руку, он прикрыл плеер. — Работать не хочешь. Воровать, что ль, пойдешь? Как отец твой непутевый. А? Морда синяя... Смотреть... тьфу. — Она в сердцах сплюнула и встала. — Одна у меня надежда и поддержка, Витенька мой, первенький. Кормилец. — Она взяла с полки альбом и пошла назад. — Не пишет, а денежки шлет. Редко, да много. Большой, видно, человек стал теперь в Ленинграде-то. — Она открыла альбом. — Ой-отъ маленькие каки хорошие все. Глянь-ка.

— Да видел я.

— А ты ишо посмотри.

Идут фотографии брата, потом брата с Данилой, потом опять брата.

– Ехал бы ты в Ленинград к брату-то, а? Может, в люди выведет тебя, дурака. Он же вместо отца тебе. Тут и адрес обратный был. Фонтан... какой-то, семьдесят три, что ли? Старый, правда... Да чуть чё, людей спросишь. Чай, не бусурмане живут.

Виктор Багров – бритый, полный, слегка обрюзгший мужчина 38 лет – сидел на стуле в вальяжной позе уверенного в себе человека. На нем были дорогой светлый костюм, цветная, расстегнутая на верхнюю пуговицу рубашка и легкие удобные ботинки – не для ходьбы по осенним улицам Петербурга.

На стандартном для любого офиса столе стояла початая бутылка «Hennessy» и два стакана.

– Чечен откинулся. Надо устроить. – Человек в начале третьего десятка с абсолютно круглым лицом не смотрел на Виктора, наливая коньяк. – Он весь рынок взял. Говорит, раньше мое было. На разборке добазарились по-мирному. Наши войны не хотят. За ним поповские авторитеты. Но Чечен у всех вот где...

Витя молчал, потягивая коньяк.

– Короче, пятнадцать. – Круглый сел.

– Ты меня знаешь, – спокойно отпив, сказал Виктор. – Мои цены реальные. Пятнадцать – деньги хорошие, но за Чечена это мало. Здесь я башкой рискую. У него всегда два-три быка со стволами.

– Сколько?

– Двадцать, и десять сразу.

Круглый выдержал паузу.

– Неделя на подготовку.

– Две. Шухер поутихнет.

Круглый выпил сразу, выдвинул ящик стола, достал две пачки по пять тысяч, бросил перед Виктором.

Виктор сажился в машину. У окна стоял Круглый с двумя шишкоголовыми.

– Вперед много взял, – тихо сказал Круглый. – Торчите на крыше, на глаза ему не суйтесь.

Машина тронулась с места.

Двери открылись, и на платформу из вагонов повалил народ. Одним из последних вышел заspanный Данила в стареньких брюках, доармейской болоньевой куртке, с худым рюкзаком через плечо.

У выхода его сразу же остановили милиционеры. Рассмотрели паспорт, билет и отпустили с каким-то напутствием. Он вернулся и показал им адрес на бумажке.

Данила прошел по набережной Фонтанки, разглядывая номера домов.

Поднялся по лестнице и позвонил. Никто не открыл. Он стоял и звонил.

Проходя по Невскому, Данила зашел в музыкальный магазин.

– У вас есть «Крылья» «Наутилуса»? – привычно спросил он.

– Нет, разобрали довольно быстро! – кричала продавщица из-за шума. – Но вы заходите, должны еще завезти.

Ему понравился непривычный для него ответ. Он улыбнулся:

— А есть другое что-нибудь?

— Конечно, вот «Титаник на Фонтанке» с Гребенщиковым. Есть «Отчет за десять лет». Лучшие песни в исполнении друзей.

— Сколько стоит?

— Этот шестьдесят пять, этот семьдесят.

— А... — Данила немного растерялся, продолжая рассматривать витрину.

Девушка все поняла и потеряла к нему интерес.

Темнело. Он позвонил, но с прежним результатом. В полуразрушенном пустом доме было холодно. Он сидел на полу второго этажа у освещенного дальним фонарем окна и кутался в болоньевую куртку на рыбьем меху, прижимая к себе рюкзак. Потом положил его под голову и свернулся калачиком, по-детски подтянув к животу колени. Утром он снова звонил в дверь по найденному накануне по маминой бумажке адресу. Но не было в его движениях былой уверенности. Внутренне он был готов к неудаче.

Потом он позвонил в дверь напротив.

— Кто? — истерично крикнул скрипучий женский голос.

— Я брата ищу. Напротив живет. Багров Виктор. Не знаете, где он?

Какое-то время Данила ждал ответа.

День шел к концу. Данила сидел на поребрике рядом с торгующими старьем мужиками

полубомжового вида, курил. Своим далеко не свежим видом и рюкзаком он органично вписался в их ряд.

К ним вразвалку подошел совсем молодой коротко стриженный парень в спортивных штанах и черной кожаной куртке и, обращаясь к ближайшему, сказал:

— Ну что, гниды синие, сдавай по полтиннику. Он был уже сильно пьян.

Для торговцев это, видимо, было неожиданно.

— Ты чего, сынок, я и не продал ничего еще, — сказал ближайший к Даниле мужик, торговавший ручками и шпингалетами из выселенных домов.

— Товар конфискую, — сказал парень и нагнулся, чтобы свернуть разложенные на тряпке вещи. За поясом мелькнул пистолет.

— Постой, сынок! — испугался мужик.

Данила встал, шагнул вперед и сильно ударил парня по шее. Тот ткнулся лицом в асфальт. Данила ощупал его и достал мелкокалиберный самодельный револьвер. Со знанием дела открыл его и покрутил полный барабан.

— Город — это страшная сила, сынок. Он засасывает с головой. Только тот, кто сильнее, может выбраться. И то...

— Тебя как звать-то?

Темнело, когда они подходили к кладбищу.

— Гофман.

— Еврей, что ли?

— Немец.

– А... а то я евреев как-то не очень...

– А немцев?

– Немцев нормально.

– А в чем разница?

– Слушай, ты чё пристал?

У костра сидело несколько бомжей. Пили водку. Гофман и Данила молча сели. Женщина синюшного вида протянула Гофману полстакана. Он передал Даниле.

– погоди, – Данила развязал рюкзак. – Я тут гостинцы брату вез, да, видать, не судьба.

Появившиеся продукты вызвали оживление. Данила выпил.

– А чего вы здесь?

– Немецкое кладбище. Вроде как на Родине. Здесь предки мои лежат.

Данила обреченно позвонил. Послушал привычную тишину. Перед тем как уходить, позвонил еще раз.

– Открыто! – слышалось издали.

Данила встрепенулся и толкнул дверь. Она поддавалась. Коридор уходил вправо.

– Открыто! – еще раз крикнули из комнаты.

Не успел он войти, как из-за двери в затылок ему уперся ствол револьвера. Щелкнул затвор.

– На колени, руки за голову.

Данила бросил рюкзак, упал на колени, одновременно положив руки на затылок:

– Я ищу Багрова Виктора. Он жил здесь, – быстро заговорил он. – Я брат его младший. Только два дня в Ленинграде. Мне мать адрес этот дала... Фонтанка семьдесят три, квартира шестнадцать...

Виктор убрал пистолет и присел на корточки.

Данила почувствовал это и осторожно повернул голову.

— Ну, здравствуй, брат, — улыбнулся Виктор.

Данила жадно ел все законсервированное, запакованное, западное. Виктор смотрел на него, улыбаясь уголками губ:

— Как мать?

— Нормально. — Данила вскочил достал носки. — Вот тебе.

Виктор бросил носки на кровать и подлил Даниле виски. Тот быстро взглянул на брата.

— Пей, пей. У меня еще дела сегодня.

Данила выпил.

— Вот тебе на первое время. — Виктор достал пачку и отсчитал пятьсот долларов. — Оденься попрличнее, сними квартиру или комнату, не дороже сотки пока... Потом посмотрим. Как в армии-то?

— Нормально, — пробубнил Данила набитым ртом.

— Мать писала, на войне был.

— Не, в штабе.

— Стрелять-то умеешь?

— Водили на стрельбище... — Виктор кивнул и улыбнулся.

Данила поднял глаза и тоже улыбнулся.

— Эх, в Москву надо двигать, брат. Вот там сила. А здесь — провинция. — Он махнул рукой. — Вот разгребу дела, и видели меня здесь...

Данила ел и улыбался.

